

БЕРТОЛЬД БРЕХТ И ЕГО ТЕАТР

Сцена из пьесы «Матушка Кураж и ее дети». (1923 г.).

ВОЙНА проиграна. Революция утоплена в крови. В Германии 1920-х годов — инфляция, голод. Разлагается искусство. На театральных подмостках томные красавицы-«звезды» оттесняются перекошенными домами, вздыбленными улицами, людьми, изображающими треугольники и ромбы. Это «бунтуют» экспрессионисты. Они кричат о новой, отрывистой, растрепанной форме, которая своей изломанностью выразила бы «закат человечества», «сумерки мира». «Долой!» — надрываются экспрессионисты.

Юноша Бертольд Брехт тоже говорит: «Долой!». Но он хорошо понимает: мало отрицать старое общество, надо прокладывать пути обществу новому. Он вполне согласен с экспрессионистами, когда они кричат «долой!» старому, выродившемуся теперь в развлекательный балаган немецкому театру, в котором зрителю остается лишь завороченными глазами следить за приключениями какого-нибудь светского ловеласа. Но что противопоставили старому театру сами экспрессионисты? «Бунтарствующий хаос»? Геометрические фигуры вместо людей? Нет, с таким театром Брехту тоже не по пути.

«Мы определяем нашу эстетику потребностями борьбы», — говорит Бертольд Брехт. Он мечтает о театре, который пробуждал бы классовое сознание масс. Его театр должен приучить массового зрителя глубже всматриваться в человеческие отношения и под пышным одеянием слов видеть классовый антагонизм.

Первые опыты Брехта — пьесы «Барабанний бой и ночи» (премьера в 1922 г.), «В чаще городов»

«Мужчина есть мужчина» (1926 г.) и др. — привлекают своей оригинальностью. Они сильны своей сатирической силой. Брехт умеет показать, что буржуазное общество все, даже самого человека, превратило в товар, который продается и покупается. Но нет-нет да мелькает в его пьесах какой-то экспрессионистский анархизм. Герои Брехта еще не знают, как нужно перестроить мир.

И кто знает, может быть, и остались бы втуне талант Брехта и его замечательная теория «эпического театра», если бы обострившаяся классовая борьба конца 1920-х годов не привела его в «Рабочий театральный союз», организованный Коммунистической партией Германии.

Марксизм-ленинизм вручил Брехту, по его собственным словам, «волшебный» ключ к пониманию конкретной истории. И в 1932 году Брехт ставит в Революционном театре инсценировку романа М. Горького «Мать», в которой была уже не только точная критика старого мира, но и программа мира нового. Это был первый триумф «эпического театра». Но в Германии уже разыгрывалась трагедия 1933 года.

Фашисты захватили власть, Брехт лишен гражданства и вынужден эмигрировать. Начинается период скитаний и борьбы. Вена, Прага, Париж, Швейцария, Дания, Швеция и, наконец, Калифорния (США) видели в эти годы энергичного человека в рабочей куртке и рабочей кепке — немецкого поэта-антифашиста Бертольда Брехта. Он много пишет для радио. Его сатирические стихи печатаются в подпольных изданиях. Снова убийственно метка его драматическая

сатира: «Страх и отчаяние в третьей империи» — 24 сценки быта и нравов гитлеровской Германии; «Круглоголовые и Остроголобые» — памфлет на бредовую расовую теорию фашистов, «Швейк во второй мировой войне»...

Но Брехта не оставляют мечты и о своем, подлинно народном «эпическом театре». Еще в эмиграции он пишет пьесы для этого театра. А в 1948 году в Германской Демократической Республике сбывается, наконец, его мечта. Брехт организует театр «Берлинер ансамбль», вскоре прогремевший своими постановками на весь мир.

Мировых знаменитостей — Эрнста Буша, Елену Вейгель, композитора Ганса Эйслера, режиссера Эриха Энгеля, актрису Анжелику Гурвиц и др. объединило в труппе «Берлинер ансамбль» с талантливейшей молодежью общее страстное утверждение нового искусства «эпического театра» — театра масс. Нет, «Берлинер ансамбль», конечно, не перечеркивает посему всякое другое театральное искусство или, тем паче, классическое наследие. Бертольда Брехта привлекает не только всецело близкая ему по духу и форме драматургия Вс. Вишневского. На афишах «Берлинер ансамбль» — поставленные в стиле «эпического театра» Клейст и Гауптман. Островский и Горький. А с английским комедиографом XVII века Джорджем Фаркером «Берлинер ансамбль» познакомит и московского зрителя (пьеса «Трубы и литавры»).

Но, конечно, жемчужины репертуара «Берлинер ансамбль» — произведения самого Брехта. И это очень разные по цвету и форме жемчужины. «Жизнь Галилея» — философская драма об ответственности ученого перед человечеством. Напротив,

«Матушка Кураж и ее дети» скорее бытовая повесть. Это рассказ о маркитантке времен Тридцатилетней войны в Германии. Со своей тележкой и провиантом и тремя детьми следует матушка Кураж (Храбрость) вслед за войсками. Торговля идет бойко, и она благословляет войну. Но кормилица-война отнимает у нее одного за другим обоих ее сыновей и, наконец, дочь. По-прежнему тащится матушка Кураж со своей тележкой вслед за войском — теперь одинокая, никому не нужная. Она так и не прозрела. Но зритель — зрителю пьеса раскрывает глаза на «цену» военных доходов, и в этом глубокая поучительная актуальность «Матушки Кураж».

А «Кавказский меловой круг» — красивая сказка. Спасая свое добро от восставшего народа, бросила княгиня ребенка. Его спасла, усыновила и теперь растит простая девушка-служанка Груше. Но княгине потребовался наследник. Легендарный народный судья Аздак решает тяжбу. Он чертит мелом круг и ставит ребенка в его центр. «Тяпите каждая к себе!» — говорит Аздак обоим женщинам. Княгиня рывком перетаскивает ребенка на свою сторону. А Груше? Груше выпустила его ручонку. Она не может разрывать пополам своего ребенка. И мудрый Аздак присуждает мальчика Груше. Она истинная мать. А княгиня? Деньги, жажда наживы убивают в человеке все, даже святое материнское чувство.

О, мы, кажется, рассказали вам содержание всех трех пьес самого Брехта, привезенных его театром «Берлинер ансамбль» на гастроли в Москву, и вам теперь неинтересно будет их смотреть? Не торопитесь сетовать на нас! «Эпический театр» Брехта как раз и предполагает предварительное

знакомство зрителя с содержанием пьесы. Брехт даже часто просто заимствует сюжет из известных произведений прошлого. История «Матушки Кураж» рассказана у одного из основоположников немецкой литературы Гриммельсгаузена. «Кавказский меловой круг» — обработка китайской пьесы «Меловой круг». А «Жизнь Галилея»? Ну, какому школьнику не известна она! О содержании и основных идеях произведения рассказывает зрителю и программка, вручаемая на спектакле. Все это направлено к тому, чтобы зритель вдумывался в происходящее на сцене.

И здесь мы встаем перед краеугольным камнем теории «эпического театра» Брехта — «эффектом отчуждения». Его смысл в том, чтобы заставить зрителя по-новому, свежими глазами взглянуть на привычные явления жизни.

Брехт ограничивает своих актеров и в проявлении эмоций, переживаний на сцене, ибо он боится, что они могут вызвать ответные эмоции, сопереживания у зрителя, заглушив голос его анализирующего рассудка.

Несторопливая повествовательность (эпичность!) без всяких взрывов, всплесков чувств определяет собой форму спектаклей «эпического театра».

Во всем ли удачны эти поиски «эпического искусства»? Московский зритель сможет судить о них через несколько дней. 8 мая первый раз взлетит в Москве голубь мира Пикассо на занавесе театра «Берлинер ансамбль» — театра лауреата Ленинской премии мира Бертольда Брехта.

А. БАГУШЕВ.

* * *

6 мая прибыла основная группа «Берлинского ансамбля».

Гастроли немецких артистов начнутся 8 мая в помещении театра имени Евг. Вахтангова.